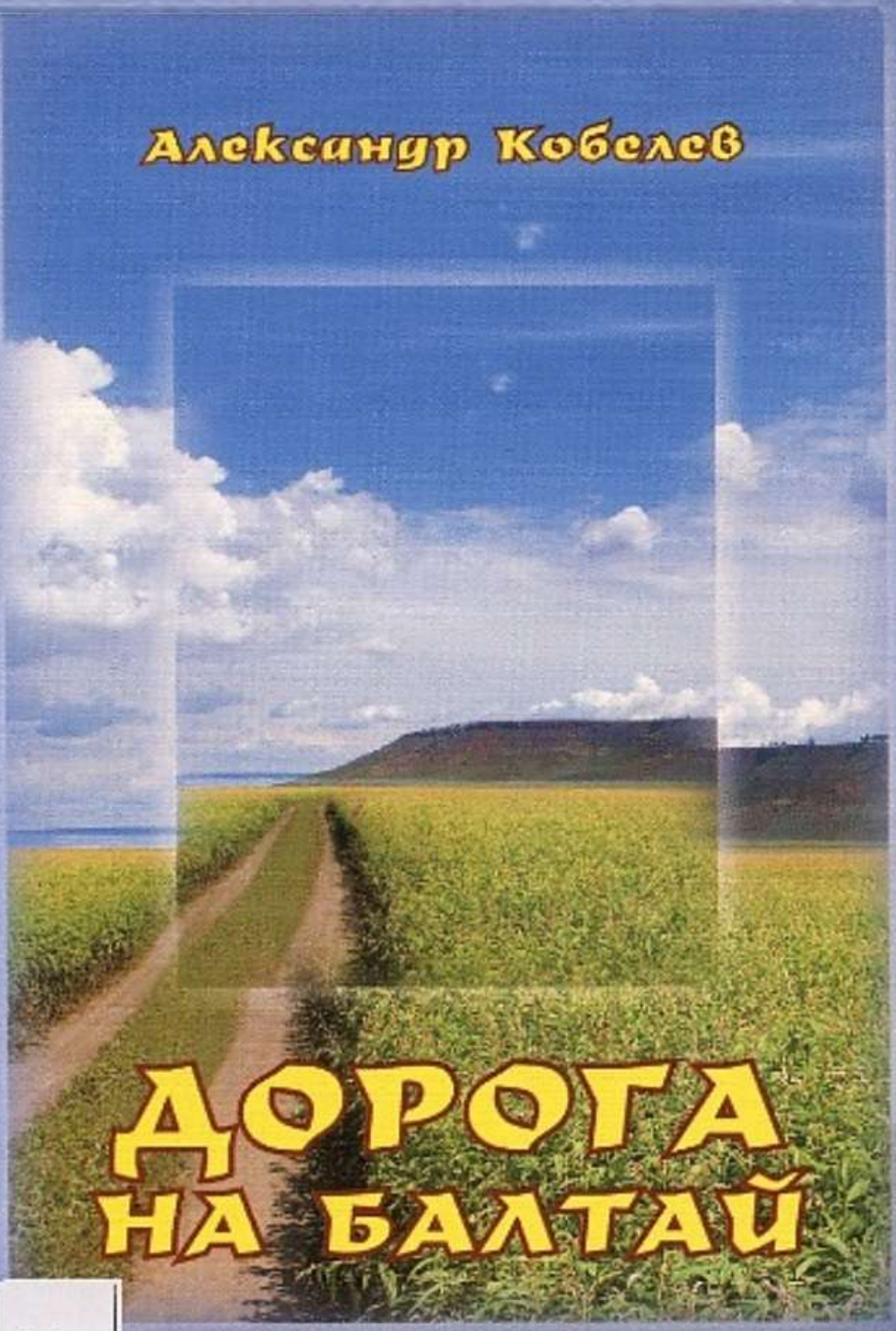
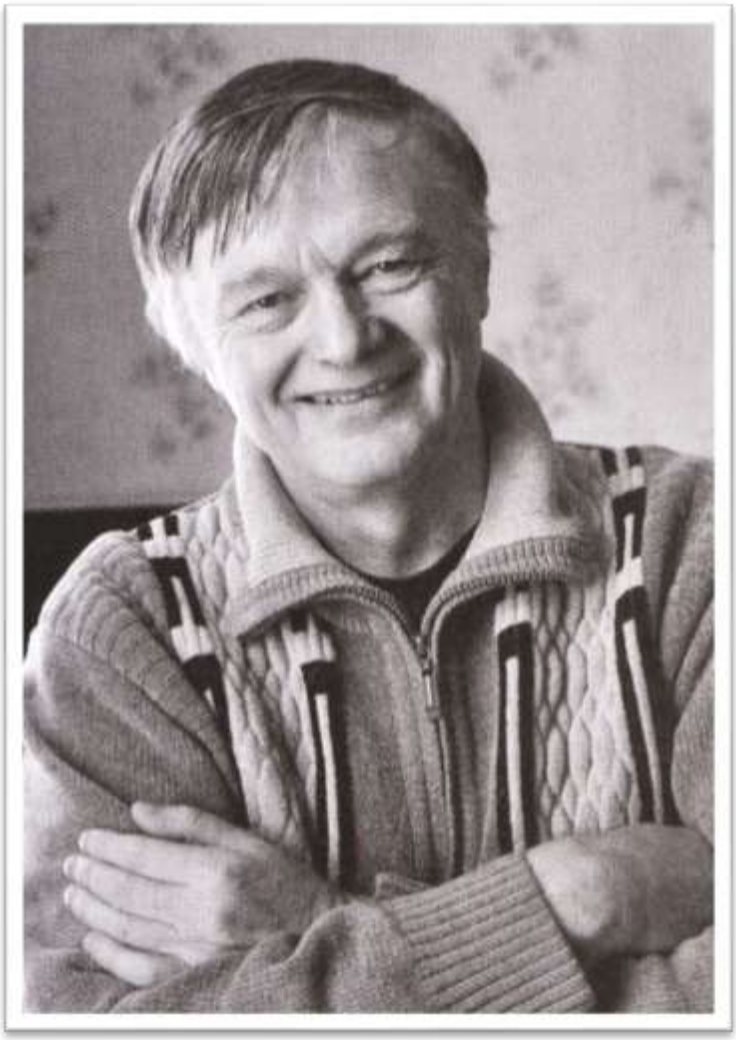
Александр Кобелев



ДОРОГА НА БАЛТАЙ

16+



Александр Кобелев

Дорога на Балтай

К55
Кобелев А. Дорога на Балтай: Стихи. - Иркутск: Отгиск, 2012. 128 с.
Рисунки автора.

ISBN 978-5-905847-15-8

УДК 821.161.1 ББК 84(2=Рус)7 К 55

Ответственный редактор: х.г Сморжевский

© А. Кобелев, 2012

Унгинская долина многие века вдохновляла творческие натуры, взращивала таланты в различных областях деятельности человека.
Самобытный поэт Александр Кобелев во многом раскрылся благодаря этому удивительному краю. Особенный взгляд на казалось бы рядовые события и явления, простой и понятный слог позволяют разглядеть в его творчестве лучшие традиции Иркутской поэзии.
Его первые, заслуживающие внимания строки были опубликованы на страницах Нукутской районной газеты. Отсюда начались его первые шаги. Затем с большим желанием за его стихи берутся другие издания. Он публикуется в областных альманахах, издается его первый мини-сборник стихов «Леший».
Александр Афанасьевич родился в 1955 году.
Живет и творит в районном центре Новонукутский. Новый сборник его стихов, который вы держите в руках, поя вился к 40-летию района и выпущен на средства администрации МО «Нукутский район» - своеобразный подарок для всех земляков, любителей поэзии.

Алексей Сморжевский, главный редактор Нукутской газеты «Свет Октября», член Союза журналистов СССр, Российской Федерации.

Унга и Заларинка

***
Две сестрички-ольхи
Ветками колышут.
Я присяду В тени,
Огляжусь вокруг.
В легком шуме лесном
Я стихи услышу,
Я услышу стихи
В пении пичуг.

Дятел вставит в строку
Все тире и точки.
И на крыльях ветров
В синеве небес
Поплывут облаков
Белые листочки.
Что на них написать,
Мне подскажет лес.

и растает в душе
Ледяная глыба,
И на облаке я
Веточкой ольхи
Начертаю слова:
Край родной, спасибо,
Что мне хочется жить
И писать стихи.

Вкус огурцов
Детский сон окутан утреннею негой.
Мама разбудила в шесть часов утра:
«Всё, сыночек, хватит по деревне бегать,
Время сенокоса, помогать пора».

Для деревни лето - время заготовки,
Не на день готовишь, а на целый год.
Мы идём в распадок, на плечах литовки,
Сзади младший братик налегке идёт.

Травы осыпают сапоги росою,
Рядом лес сосновый, вдалеке село.
Вроде бы не сложно справиться с косою,
Но вначале это очень тяжело.

То срубаю кочку, то врубаюсь в яму,
Но литовку твёрдо, как отец, держу.
Может, очень скоро обгоню я маму,
А потом и папе спину покажу.

и сидит братишка на моём прокосе,
Пусть сидит, играет - он ещё малыш.
Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались, отдохнуть бы надо,
Мухи надоели, солнце высоко.
Вот идём мы к лесу, дышит лес прохладой,
Хоть и тяжесть в теле, на душе легко.
и легла, как скатерть, белая газета,
На газете хлеба целый каравай,
Зелень с огорода - угощенье лета,
В банке простокваша и в бутылке чай.

Стол нам - пень сосновый, стулья нам - коряги.
Сели рядом мама, братик и отец.
Под улыбку мамы, с видом работяги
ел я самый вкусный в жизни огурец.

***
Ходит осень золотая.
Журавлей взлетела стая
И курлычет, улетая
На далёкий юг.
Разрывая пахтинки,
По таинственной тропинке
Я иду в лесной глубинке.
Тишина вокруг.

Ветерок деревья чистит.
В хороводе жёлтых листьев
Лишь рябин краснеют кисти,
Зеленеет ель,
Да осинка в платье алом
Стелет пёстрым покрывалом
И лоскутным одеялом
Для зимы постель.

Утро над Туроном
Посмотри, какой восход!
Освещая землю сонно,
Из-за древнего Турона
Солнце медленно встаёт.
Как дыхание веков,
Ветерок колышет ветки,
И в малиновой подсветке
Бригантины облаков.
Разрезает небосвод
Чёткий след от самолёта,

Будто белым мелом кто-то
Прочертил его полёт.
С гор глядишь на запад вдаль
 - там волшебные картины,
Там саянские вершины
Словно розовый хрусталь.
Рядом, кажется, они,
Можно даже дотянуться
И легонько прикоснуться
- только руку протяни.

Возвращение

Лето. Троица. Луг предо мною
 - аккуратный зелёный квадрат.
А вокруг его плотной стеною
Молодые берёзки стоят.

Изумрудного цвета картина
В обрамленьи лазурной дали.
Возвращение блудного сына
На родной островочек земли.

Не был я в этом месте давненько,
Сразу вспомнилось детство моё.
Здесь когда-то была деревенька,
Сорок лет уж как нету её.

и кому ж она так помешала,
Что её приказали снести?
А таких деревенек немало
Растеряла Россия в пути.

и хотя был народ недоволен,
Целый мир безвозвратно исчез
. . . Только ветер гуляет на воле,
только глухо волнуется лес.

Грусть мне сердце тисками сжимает,
Радость в сердце бушует моём.
Только разве такое бывает,
Чтоб они уживались вдвоём?

А сейчас они вместе сольются,
Не бывало того отродясь.
Но бывает же - плача, смеются,
И бывает же - плачут, смеясь

Унгинский край
Не найдется в целом мире
Мест прекраснее Сибири,
Там среди великих рек, среди тайги,
Лесостепь пересекая,
Птиц и небо отражая.
Серебрятся воды маленькой Унги,

А вокруг нее просторы -
Степь широкая и горы,
Лес на склонах от подножий до вершин.
И над речной шепчут ивы
С детства милые мотивы,
Что когда-то им напел Улигершин.

Льются песни улигера,
В них про подвиги Гэсэра,
В них история бурят и их земли.
Над землей летели годы,
Шли и шли сюда народы
И с собою песни новые несли.

Все народы разной веры
Приняла земля Гэсэра,
И Унгинский край им родиною стал
Каждый жил с другими дружно,
А когда бывало нужно,
Меч защитника из ножен Доставал.

И должны мы помнить вечно
С благодарностью сердечной
Про своих живых и павших земляков
Как в тяжелую годину
От Москвы и до Берлина
Шли железные полки сибиряков.

Пусть же край наш возродится
Пусть пшеница колосится,
Пусть грохочет камнем гипсовый карьер,
И на стройках, фермах, пашнях,
На лугах привольных наших
Мы напишем современный улигер.

Жаворонок

Соловей любим в народе,
Птица милая природе,
Но Байкалу она, вроде,
Не своя.
Только мы о том не тужим,
С нашим жаворонком друж
Он поет совсем не хуже
Соловья.
Колокольчиком веками
Он над нашими полями,
Над бескрайними степями
Песни пел.
Один птенчик голосистый
Попрощался с небом чистым
И к «Народному артисту»
Улетел.
Голос там его раздался,
Амархуу, ты так старался,
Не легко тебе достался
Твой успех.
За неделей шли недели,
За тебя мы все болели,
Оказался ты на деле
Лучше всех.
Мишуру отбрось от дела,
Закрепи успех умело,
Опершись на плечи смело
  Земляков.
Вспоминай в пылу работы
У эстрадного болота:
В жизни главное не кто ты
  А каков
Время мчится – не заметишь.
В путь иди, какой наметишь,
И свою девчонку встретишь
На пути.
Положи стихи поэта
На мотив никем не спетый
И потом девчонке этой
Посвяти.
В небе жаворонок вьется
Как же нежно песня льется,
Как легко ему поется
Наверху!
Чтоб залётной птицей не был,
Помни вкус степного хлеба,
Помни синь родного неба,
  Амархуу.

Письмо Александру Вампилову
Если вы не хотите - не верьте
Написал я письмо и в конверте
Белым чайкам его передал.
Эти чайки отправятся вскоре,
Полетят на Священное море,
Понесут то письмо на Байкал.

А в письме том написано было:
«Дорогой Александр Вампилов.
Внук Байкала и сын Ангары.
Говорят, ты уплыл по течению,
Чтобы с дедом побыть в день рождения,
И гостишь там до этой поры.

Ты уплыл и ни с кем не простился,
Задержался ты там, загостился.
Не пускает священный старик?
Так уж ты отпросись, постарайся,
В Приангарье, в Аларь возвращайся,
Возвращайся в родной Кутулик.

Посмотри, как мы стали богаче.
«Богатеем», а как же иначе?
На витринах товаров полно:
Фрукты с Кипра, тряпье из Китая,
Польша мясо опять поставляет,
Голливуд поставляет кино.

Есть машины с помоек японских.
Всё смешалось как в доме Облонских.
В головах наших полный бедлам.
Но мы верим: когда ты вернешься,
То уж точно во всем разберешься
И расставишь нам всё по местам.

Ты же флюгером не был по жизни,
Ты был компасом в нашей Отчизне,
Ты нам правду о нас напиши.
Пьесы нам напиши, фельетоны
Напиши нам про наши районы,
О проблемах российской глуши,

О селянине нищем и пьяном,
Заросли его нивы бурьяном,
А деревни - как после войны.
Подними его запретные темы,
Чтоб себя и все наши проблемы
Мы увидели со стороны.

и душой за Россию болея,

Критикуй нас, всем сердцем жалея,
И ругай нас, всем сердцем любя.
Твои темы не стали старее.
Возвращайся к нам, Саша, скорее,
Очень плохо у нас без тебя».

Кони

Снова праздник конный
Вышел за Татхал,
Жителей района
Ипподром собирал.
Криком в микрофоне
Раскололась высь -
И рванули кони,
Кони' понеслись!
Все кругом ликует,
Кони, ваш полет
Каждого волнует,
За душу берет.
И не может зритель
Вас понять сейчас:
Как же вы летите,
Крылья где у вас?
Можно догадаться
Только по пыли,
Что слегка касаться
Вы могли земли.

Залиринка

По небесной глади чистой
Гонит ветер облака.
Вьется лентой серебристой
По ковру лугов река.
Здесь российская глубинка,
Место чистое пока.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

То лениво замирает,
То стремительно бежит,
То преграды огибает
И воронками кружит,
ПОднимая муть суглинка,
чернозема, и песка.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

А кругом родные дали.
Я опять приду сюда
И отброшу все печали

- пусть уносит их вода.
Поведет меня тропинка
Вдоль крутого бережка.
Заларинка, Заларинка
Невеликая река.

Зелень, теплая погода,
воздух чистый - красота!
Ребятишкам здесь свобода
И раздолье для скота.
Гонит мальчик хворостинкой
к броду пестрого быка
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Вот рыбак - гроза сорожки,
На бревне как на скамье.
Значит, будет ужин кошке
Или даже всей семье.
А сорожка серой спинкой
Дразнит, дразнит рыбака.
Заларинка, Заларинка,
Не великая река.

Солнце медленно садится,
Ветерок совсем затих.
Может быть, сейчас родится
В голове хороший стих,
Или строчки половинка,
Или целая строка
Подскажи мне, Заларинка
Невеликая река.

***
Утром солнце над долиной
Поднимается.
За работу рой пчелиный
Принимается.
Раз не скрыла непогода
Неба чистого,
Значит, будет много мёда,
Золотистого.
А в траве семья трудилась
Муравьиная.
На их дом вчера свалилась,
Ветка длинная.
Вот они залезли выше
И с репейника
Ремонтировали крышу
Муравейника.

***
Давно собрали урожай
И на полях, и в огородах.
К зиме готовится мой край,
К зиме готовится природа.
Вот туча тёмная плывёт
И сразу солнце закрывает.
Она опять нам дождь несёт ...
Да нет, смотрите, - снег летает!
Хотя давно пора домой,
Я постою ещё немножко.
Кружат снежинки надо мной,
Садятся тихо на ладошку.

Охотник Хартагай
(По мотивам бурятского эпоса)
Вспомним грустными стихами
Старину родной земли,
Когда куры с петухами
Лучше всех летать могли.

В небе молнией блистали,
И полёт их был таков,
Что порой они летали
Выше белых облаков.

А потом в лесу садились
Среди вольных птичьих стай.
Место, где они гнездились,
Знал охотник ХартагаЙ.

Он мечтал, смотря на небо,
В синий тенгрий без границ:
«Вот сейчас отведать мне бы
Мясо этих вольных птиц».

и однажды на рассвете
Хартагая ждал успех:
Он расставил тихо сети
И поймал их сразу всех.

А обратною дорогой
Он услышал просьбу птиц:
«Ты, охотник, нас не трогай,
Мы снесём тебе яиц.

Со скотом твоим рогатым
Будем жить в одном дворе.
Будешь пищею богатым,
Будет радость детворе».

Хартагай решил: «Теперь я
Крылья им укорочу,
Спрячу дома эти перья
И курятник сколочу».

Так и сделал. И всё лето
Жили курицы, неслись.
Надоело им всё это,
Всё сильней манила высь.

«Что нам, курам, делать? Что же?
Дни за днями провожать?
Улететь теперь не сможем.
Может, просто убежать?»

А петух мрачнее тучи
Так сказал: «Я не хочу

Жить без крыльев тех, летучих.
Как без них я полечу?

Хартагая мы попросим,
Пусть он крылья нам вернёт.
Мы ему добро приносим,
И охотник нас поймёт»,

Клювом в двери постучался,
Кто-то двери отворил.
Долго он не возвращался,
Долго что-то говорил.

Хартагай ответил что-то,
Вышел к курицам во двор.
«Ждёт сейчас меня охота,
Я пойду в сосновый бор.

Понимаю вас и каюсь,
Признаю свою вину.
Я на зорьке возвращаюсь,

Крылья сразу же верну».

Вышел с луком за ворота
И пошёл в сосновый лес.
Но в лесу случилось что-то,
И охотник там исчез.

Может, духов он обидел,
И его медведь задрал,
Но никто-никто не видел,
Чтоб охотник умирал ...

Утром зорька заалела.
Тихо-тихо во дворе.
Птичья стая пролетела
и растаяла в заре.

А петух взлетел повыше,
Чтобы видеть неба край,
И кричит, кричит на крыше:
«Хартагай -ай! Хартагай!»

Вот и зорька догорает,
А петух сидит и ждёт.
Как молитву повторяет:
«Хартагай сейчас придёт.

Никогда он не забудет
Обещанье крылья дать.
Завтра снова зорька будет,
Завтра снова будем ждать.

Если дал охотник слово,
Значит, выполнит всегда».
Загрустили куры снова,
Снова курицам беда.

На забор присели рядом
Все в надежде, а пока
Провожают грустным взглядом
В синем небе облака.

И клянут удел свой горький,
Вспоминая прежний рай,
И зовёт петух на зорьке:
«Хартагай-ай! Хартагай!»

Скоро сказка станет былью –
Хартагай домой придёт.
Только тот получит крылья,
Кто надеется и ждёт.

Деревенские песни
Как светлы и как красивы,
Словно ясный майский день,
Эти русские мотивы
На просторах деревень.

Помню, сидя за работой,
Тихо женщины поют.
Я сижу, рисую что-то,
и в душе моей уют.

Мелодичные преданья
Как из вечности звучат.
Помню грустные Страданья
В исполнении девчат

Или праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет,
Мною все они любимы,
Нелюбимых песен нет.

Даже песни-нескладушки
Мне отрада для души,
Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши.

Пока жив, я все приемлю,
Всю простую красоту,
А умру, зарытый в землю
Тихой песней прорасту.

На Хашхае
Смотрю я вдаль с отвесного Хашхая
И край роднон приветствую с горы.
А там, вдали, Унга бежит сверкая,
Бежит к зеркальной глади Ангары.

Поют ветра и солнце ярко светит,
Мне кажется, как птица я лечу,
И в том полете все просторы эти
Объять своими крыльями хочу.

Лесная даль, цветы на луговине
И золотые хлебные поля,
И деревеньки тихие в долине

- все это ты, унгинская земля.

Любовь к тебе живет не утихая.
Я с детства своей родиной горжусь.
Смотрю я вдаль с отвесного
Хашхая На родину свою не нагляжусь.

Дорога на Балтай*

Конь бежит лениво,
В инее вся грива.
Батя молчаливо
Курит свой табак.
Я сижу, болтаю
И ворон считаю.
Едем мы к Балтаю
через Хархунак**

Ехать на заимку
Нам тепло в обнимку.
- Пережить бы зимку,
- Говорит отец.
На заимке старой
Зимовье с кошарой
И большой отарой
Зунгарских овец.

Там пойдет работа
До седьмого пота:
Батя сделал что-то –
Мне нельзя отстать.
На Балтае, братцы,
Некогда болтаться.
На Балтае, братцы,
Некогда болтать.

* Балтай - заимка
** Хархунак – падь

Кто быстрее
Мне писал историк местный,
Что в Алари говорят,
жил Гарма - бегун чудесный,
Зверобой, стрелок известный
Из хонгодорских бурят.

Если что стрелу отклонит,
И она не так пойдет,
То Гарма не проворонит,
На лету стрелу догонит,
Скорректирует полет.

И такой же быстроногий
был еще Бадма бурят.
Жил он в юрте у дороги,
Ни богатый, ни убогий,
Из унгинских булагат.

Если он с женой повздорит,
То уйдет на целый день
И любого объегорит,
На ведро архи поспорит,
Что обгонит свою тень.

Пробежать он так сумеет,
В беге выложится весь,
Вокруг юрты вихрем взвеет,
Семь кругов завить успеет,
Когда тень успеет шесть.

Тень, бывало, не отстанет
И успеет тоже семь.

Все равно он спорить станет,
Все равно того обманет,
Кто неграмотный совсем.

На Унге аларских встретят,
Вместе выпьют тарасун,
На вопросы все ответят,
И случайно так заметят:
«Ах, какой Бадма бегун!»

и аларские встречают,
Льют унгинским тарасун,
Все в гостях души не чают
И случайно замечают:
«Ах, какой Гарма бегун!»

Один раз дошло до брани,
И сказали старики:

«Чтоб не спорить, не буянить,
Бегуны на Сур- Харбане
Побегут вперегонки.

и конец наступит спору».
Вот подходит Сур-Харбан,
Бегуны по уговору
Забрались вдвоем на гору
- старт давался от Саян.

Луки разом натянули
И пустили две стрелы,
Да за ними так рванули,
Что, догнав, под них нырнули
И вперед ушли, орлы.

Эй, лети с дороги птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь, какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстрей.

Чуть земля не проломилась
Где пути их пролегли.
А потом, скажи на милость,
Там три дня трава дымилась,
И парило от земли.

Люди, что в пути встречались,
Не могли никак понять -
Как две тени оторвались,
За хозяевами гнались,
Не могли никак догнать.

Бегуны стремглав летели
От Саян и до реки,
Где в тени ангарской ели
Птицеловы в ряд сидели
И готовили силки.

Слабонервные и дети
Все зажмурили глаза,
Чтоб не видеть страхи эти:
Бегуны влетели в сети,
Тут бессильны тормоза.

Все закончилось прекрасно
Одновременно пришли.
А толпа-то не согласна,
Кто быстрей пришел - не ясно.
Снова споры завели.

Чтобы не было сомнений,
Посмотреть они хотят:
Как с учетом всех мгновений,
Прибегут на финиш тени,
И как стрелы прилетят.

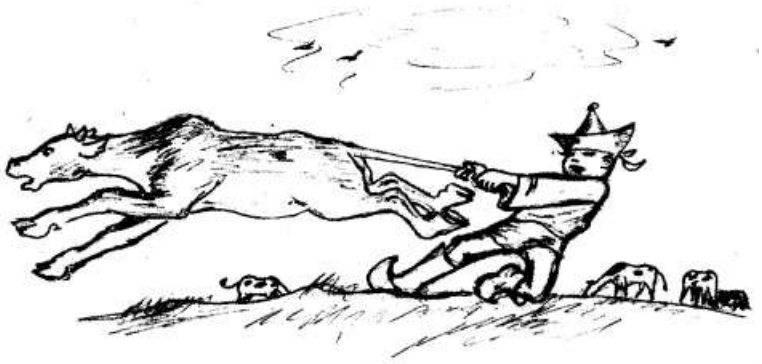
Стрелы вскоре прожужжали,
Одновременно причем.
Тени вместе прибежали,
Так на финиш поднажали,
Аж язык через плечо.

Споров больше с того года
Не случалось никогда,
И с тех пор два близких рода,
Ветви одного народа
Стали неразлейвода.

Три сына
(По мотивам бурятского эпоса «Абай Гэсэр»)
Посреди степи,
где седой курган,
жил да был Саргал –
тугешинский хан.
Хоть не молод был,
но силен и смел,
небольших троих
сыновей имел.
Старший сын его
Был Алтан Шагай,
средний сын его
был Мунгэн Шагай.
Младший сын Нюргай
был в ту пору мал,
и отец его
соплячком прозвал.
Тот Нюргай еще
продолжал расти,
как отец послал
их телят пасти.
Братья выгнали
и пасут телят,
было тех телят
ровно семьдесят.
Братья бегают
и не ведают,
чем сегодня днем
пообедают.
Вот уж есть пора,
и сказал Нюргай:

«Брат Алтан Шагай,
брат Мунгэн Шагай,
здесь у нас телят
очень много есть,
вот бы нам втроем
одного б хоть съесть».
Братья старшие
не решаются,
ведь родители
заругаются.
Взялся их Нюргай
успокаивать,
уговаривать
и настаивать:
«Мы съедим телка,
а потом втроем
шкуру травами
по сильней набьем.
Крикну - кыш! - тогда
я кургузому,
куцехвостому,
толстопузому.
Побежит телок,
забодается.
Разве кто-нибудь
догадается?
Будет шкура та
по степи скакать,
не поймет отец,
не узнает мать».
Согласились те:
«Ну давай, пока
мы костер зажжем,
ты лови телка».
И тогда Нюргай
Был хотя и мал,
но за хвост телка
на бегу поймал.
Шкура так в руках
и осталася,
до костра одно
мясо мчалося.
Мясо сжарили
и отведали,
всем телком зараз
пообедали.
И сказал Нюргай:
«А теперь втроем
Шкуру травами
По сильней набьем»
Набивать взялись
они чучело,

шкуру бедную
чуть не вспучило.
Закричал Нюргай:
«ЭЙ, кургузый - кыш!
Что не бегаешь
и чего стоишь?»
Побежал «бычок»
и мычал притом,
и бодаться лез,
и махал хвостом.
Осмотрел отец
Стадо вечером:
«Молодцы! Сказать
больше нечего».



-2-
Снова выгнали
поутру телят.
Подошел обед,
есть опять хотят.
А как день прошел
- братья сытые,
в стаде два телка
уж набитые
и багульником,
и степной травой.
И второй бычок
качет, как живой.
И на третий день
Братья сытые,
В стаде три телка
Уж набитые.
Потом пять телят,
потом семь телят,
наконец они
съели семьдесят.
Так за лето в
се пообеденно,
мясо всех телят
было съедено.
Вот пригнали
раз эти чучела,

братьев сильная
жажда мучила.
Каждый пьет
и не напивается.
Мать на них глядит,
Удивляется:
«Где ж вы так сынки,
уморилися,
что водою чуть
не опилися?»
«Ох, напилися
еле-еле мы
- очень жирное
мясо ели мы.
Жирный был телок,
Дольше всех ходил,
из несъеденных
он последний был».
Побежала мать
и проверила,
аж глазам своим
не поверила!
С виду бык как бык,
и стоит мычит,
пригляделася:
а трава торчит.
Догадалась мать,
заругалась мать
и давай кнутом
Сыновей гонять.
Услыхал отец,
прибежал на крик,
а потом до слез
хохотал старик.
Про проделки те
он, конечно, знал
но сейчас ругать
Сыновей не стал.
Возмужали все,
стать сибирская,
сила будет в них
богатырская.
Но хотя в руках
сила славная,
сила духа – вот
сила главная.
Потому-то он
им заранее
приготовил три
Испытания.
Не заметишь, как
пролетят года,

кто его народ
защитит тогда?
-3-
Поутру старик
очень рано встал,
шило острое
с сапогом связал.
«Эй, вставай, Алтан!
Надо лично мне
осмотреть поля
приграничные».
И поймал быка
превеликого,
нрава буйного,
полудикого.
Сели сын с отцом,
и повез их бык,
позади Алтан,
впереди старик.
Ближе к полудню
заезжает в лес,
а деревья там
чуть не до небес.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
что б из ЭТОГО
ты построить мог?»
Сын задумался,
долго думал он:
«Я построил бы
для скота загон».
Проезжают лес,
вид меняется
- перед ними степь
расстилается.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
как бы эту степь
ты освоить мог?»
Помолчав чуть-чуть,
говорит Алтан:
«В этом месте я
основал бы стан.
Будет здесь трава
хорошо расти,
значит, будет где
табуны пасти».
Замолчал Алтан
и молчит отец.
Впереди поля
и степи конец.
И влетает вдруг

возле бычьих ног
птичка малая,
полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан
сколько было сил
шило острое
ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх
подскочил бугай,
повалились хан
И Алтан-Шагай.
Вот лежит отец
и не дышит он,
сын зовет его,
но не слышит он.
Закричал Алтан:
«Умер папа мой!»
Разрыдался и
побежал домой.
Возвратился в дом,
а за ним отец:
«Уж подумал я,
что пришел конец.
Кое-как мне там
Удалося встать».
И под вечер все
Улеглися спать.
-4-
Вот назавтра хан
снова рано встал,
шило острое
с сапогом связал.
«Эй, вставай, Мунгэн!
Надо лично мне
Осмотреть поля
приграничные»,
И поймал быка
превеликого,
нрава буйного,
полудикого.
Сели сын с отцом,
и повез их бык,
позади Мунгэн,
впереди старик.
Ближе к полудню
заезжают в лес,
а деревья там
чуть не до небес.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
Что б из этого
ты построить мог?»

Помолчал Мунгэн,
посмотрел кругом.
«Вот из этого
я б построил дом».
Проезжают лес,
вид меняется –
перед ними степь
Расстилается.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
как бы эту степь
ты освоить мог?»
И сказал Мунгэн:
«В этом месте мне б
целину вспахать
да посеять хлеб».
Замолчал Мунгэн,
и молчит отец.
Впереди поля
и степи конец.
И взлетает вдруг
возле бычьих ног
птичка малая,
полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан
сколько было сил
шило острое
ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх
подскочил бугай,
повалились хан
и Мунгэн Шагай.
Вот лежит отец
и не дышит он,
сын зовет его,
но не слышит он.
Закричал Мунгэн
«Умер папа мой!»
Разрыдался
и побежал домой.
Возвратился в дом,
а за ним отец:
«Уж подумал я,
что пришел конец.
Кое-как мне там
удалося встать».
И под вечер все
улеглися спать.
-5-
Вот назавтра хан
Снова рано. встал,
шило острое

с сапогом связал.
«Эй, вставай, Нюргай!
надо лично мне
осмотреть поля
приграничные»,
И поймал быка
превеликого,
нрава буйного,
полудикого.
Сели сын с отцом,
и повез их бык,
позади Нюргай,
впереди старик.
Ближе к полудню
заезжают в лес,
а деревья там
чуть не до небес.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
чтоб из этого

Ты построить мог?»
Отвечал Нюргай:
«Я б построить мог
для людей жилье
и большой острог.
Чтоб не вздумали
здесь враги пройти,
чтоб была у них
крепость на пути».
Проезжают лес,
вид меняется

- перед ними степь
расстилается.
И спросил отец:
«Посмотри, сынок,
как бы эту степь
ты освоить мог?»
«Место здесь, отец,
подходящее,
будет битва здесь
настоящая.
И залью тогда
степь просторную
кровью вражеской,
кровью черною.
Защищать начну
я от нечисти
и тебя, отец,
и Отечество».
Рад отец тому,
что сын сказывал,
только виду он
не показывал.
Потому сидит
и молчит отец.
Впереди поля
и степи конец.
И взлетает вдруг
возле бычьих ног
птичка малая,
полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан
сколько было сил
шило острое
ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх
подскочил бугай,
повалился хан
и слетел Нюргай.
Вот лежит отец
и не дышит он,
сын зовет его,
но не-слышит он.
Говорит Нюргай:
«Я закон храню,
наряжу отца
и предам огню».

-6-
Посидев, Нюргай
вытер грязь с лица.
До чего ж ему
было жаль отца!

И пошел, кляня
горе личное,
на поля на те
приграничные
у китайцев там
взял шелка Нюргай,
разноцветные
с позолотой край.
В те шелка одел
своего отца.
Горе тяжкое,
тяжелей свинца...
Постоял Нюргай
и слезу утер,
посреди степи
запалил костер.
И кострище то
было сложено
по обычаю,
как положено.
Произнес Нюргай
все, что следует,
тем, кто веру ту
проповедует.
Хоть нелепо так
и погиб отец,
но душе его
не пришел конец.
Пусть душа его,
что селилась в нем,
к небесам уйдет
со святым огнем.
Пусть очистится,
успокоится,
жизнь иная там
ей откроется.
Вот в костре отец,
и шелка на нем
сразу вспыхнули,
занялись огнем.
Закричал отец:
«Ой, сынок, прости!
Затуши огонь
и отца пусти.
Хоть я полон сил,
но не молод я,
знать хотел, кто б мог
заменить меня.
Вижу я, Нюргай,
Ты у нас каков:
буду смело жить,
не боясь врагов,

а умру - пойду
в свой последний путь
как положено,
а не как-нибудь.
Что случилось здесь,
ты о том молчок.
для меня теперь
ты не соплячок.
Ты не маленький,
а большой Нюргай,
так зовись теперь
удалой Нюргай.
Как сейчас я горд
и доволен я!
Ты сегодня сядь
впереди меня».
Сын поймал быка,
и повез их бык,
впереди Нюргай,
позади старик.
... Вечер медленно
опускал туман
на родную степь
и седой курган.

* * *

Славным батором
стал Алтан Шагай,
славным батором
стал Мунгэн Шагай,
а Нюргай подрос
и Гэсэром стал.
Добрым юношам
он примером стал,
старикам он стал
в утешение,
а врагам он стал
в устрашение.
Ведь не зря его
похвалил отец.
Тут и повести
подошел конец.

Моя поляна

Забытые деревни

Деревеньки вы мои, не ухожены.
В окнах взгляды стариков настороженны.
Крик вороний, лай собак,
Покосившийся чердак
И подворья кое-как
огорожены.

На пол улицы домишки заброшены,
Белой плесёнью в углах запорошены.
Полуржавые крюки,
Полустлевшие мешки,
И дверные косяки
Перекошены.

Проезжая этот край запустения,
Толь во сне, толь наяву
вижу тени я:
Так уходят навсегда
Старосельские года –
Символ тяжкого труда
и терпения.

* * *

Белый месяц, белый круг
Вокруг месяца.
Скоро ль белая зима
Перебесится?

Поднимусь С постели я,
С белой простыни.
И окошко, и виски
В белой проседи.

За окошком мир объят
Белой негою.
А по белым по снегам
Парни бегают.

Из-за белого цветка
С белой завязью
Погляжу вослед парням
С белой завистью

Май

Расцветай,
Месяц май,
Загляни в мои окошки,
Подари
До зари
Мне бессонный лунный свет,
Поиграй,
Месяц май,
Поиграй мне на гармошке,
И в груди
разбуди
Песню давних юных лет.

Чтобы стать
Мне опять
Как и ты, мой месяц, юным,
Чтоб опять
услыхать
в сердце трели соловья.
Мы с тобой,
Месяц мой,
Будем вместе до июня,
Мы с тобой,
Месяц мой,
Закадычные друзья.

Поляна

Здравствуй, милая поляна
В зареве жарков.
Я вернулся из тумана
Тысячи веков.

Хватит мне топтать дорогу.
Сяду, посижу.
Это место ближе к богу –
Душу освежу.

Ветер мысли навевает,
И цветок живой
Понимающе кивает
Рыжей головой.

Брошеный

Осень. Поздним вечером
На скамью у домика
Сел старик, задумчиво
Голову склонив,
А вруках натруженных
UПуйская гармоника
Завела тихонечко

Памятный мотив.
И в зарю вечернюю
Уплывает музыка
Прямо над теплицами
Опустевших дач.
Попиликай тоненько,
добрая гармоника,
Побеседуй с дедушкой,
Вместе с ним поплачь.

А Может быть

Мудрец греховное забыл,
Был чист и непорочен.
Он очень-очень умный был,
А может быть, не очень.

Сидел он как-то дотемна
И вычислил случайно:
у женщин тайна есть одна,
А может быть, не тайна.

Как вертят нами, всё узнал
От флирта до интриги.
И всё на стенке записал,
А может быть, и в книге.

Не знаю я, где та стена,
Не ездил я по свету.
Я только знаю - есть она.
А может быть, и нету.

Но раз стены и книги нет,
Кто тайну ту откроет?
Ведь стоит нам раскрыть секрет ...
А может быть, не стоит?

Бродяга

Солнца утреннего свет
Шлёт мне пламенный привет,
И скрипят мои штиблеты,
И конца дороги нет,

И мелькает взад-вперёд
Проезжающий народ.
Только я один шагаю,
И улыбка во весь рот.

Эх, прощай, моя тоска!
Грусть-печаль моя, пока!
Может, кто-то проезжая,

Крутит пальцем у виска,

Но дорога хороша,
Если ходишь не спеша,
Если в думах сокровенных
успокоилась душа.

Вера
Как трудно мне поверить в Бога,
Всего себя Ему отдать.
Ведёт, ведёт к Нему дорога,
Конца которой не видать.

Вся моя вера на иконах,
На куполах и на крестах,
В молитвах, в колокольных звонах,
В трёх вместе сложенных перстах.

Всех внешних проявлений много,
Обычных штампов и клише.
А я хотел бы верить в Бога,
Когда Он у меня в душе.

Весна и осень
На ложечку радости
- бочка печали.
На узкой тропе,
что бежит за оградами,
Опять мы случайно
с тобой повстречались,
Пройдя, оглянулись
и встретились взглядами.

Весенняя свежесть
Цветущего сада
В глазах твоих ясных,
Моя чернобровая,
А взгляд мой сейчас,
Как канун листопада,
Когда впереди
Только осень суровая.

Но встречи жестоки
В своём постоянстве,
В своей безысходности,
В тяжести бремени.
Прекрасно,
Что мы повстречались в пространстве.
Ужасно,
Что мы разминулись во времени.

Людмиле Беляковой
Сижу я и книгу листаю,
Хороших поэтов читаю,
Того и гляди, что растаю
От лирики разных времён.
А лира выводит мотивы,
Я слышу мелодий разливы.
Стихи так стройны и красивы,
Как ровный английский газон.

А сам я с душой наизнанку
Растил не газон, а полянку,
Не лиру держа, а тальянку –
Певунью российской земли.
Цветут на поляночке дикой
Стихи красоты невеликой,
Ошибки растут повиликой,
И ляпов торчат будыли.

Мой стиль иногда необычен,
Мой стих иногда непривычен.
Редактором весь «заковычен»,
Редактора нужно понять.
Но я повторять не устану,
Что милую сердцу поляну
В угоду эстетам не стану
Газонокосилкой ровнять.

Северомуйский вечер
Мой милый край, мой край безбрежный,
Ты и суровый край и нежный,
Зелёный край и белоснежный,
Храни, Господь, тебя, храни.
... Последний свет с зарёю тает,
На рельсах звёздочка мигает,
И вечер тихо зажигает
Северомуйские огни.

у нас свой мир на самом деле –
Своя жара, свои метели,
Свой даже свет в конце тоннеля.
Не веришь - приезжай, взгляни.
А вечер всё темней и глуше,
Лишь стук колёс покой нарушит,
И снова тронут наши души
Северомуйские огни.

Дом под парусами
«Милый мой, сегодня праздник –
Двадцать лет той первой встрече.
Помнишь, шёл ты с синей книжкой?
Помнишь школьные года?
Ты тогда назвался Грэем,
Я Ассоль была в тот вечер.
Почитай мне Грина, милый,
Почитай мне как тогда».

... Вдруг все окна распахнулись
И ударил свежий ветер,
Дом так сильно накренило,
Что он еле устоял.
Но морской закон известен:
Капитан за всё в ответе.
Только Грэй всегда на месте,
. Крепко держит свой штурвал.

Галиот под парусами,
Такелаж скрипит натужно,
Вся команда за работой –
Каждый знает свою роль,
Музыканты наготове –
Скоро, скоро грянут дружно.
И раздастся голос Грэя:
«Я пришёл к тебе, Ассоль»

А Ассоль сидела тихо,
Позабыв про всё на свете.
Двадцать лет - как не бывало,
Остановлен бег часов.
И прохожие гадают
В честь чего сегодня светит
Над обшарпаной хрущёвкой
Пламя Алых парусов.

Памяти брата
Как быстро дневные часы пролетают!
Взошла луна.
Луна эта - все почему-то считают -
на всех одна.
Невинную ложь мы придумали сами.
Уверен я-
Луна, что ты видишь своими глазами,
Твоя.

Поселок уснул, даже речка уснула.
Темным - темно.
Луна моя тихо сейчас заглянула
В мое окно.

А в спальне лежит моя мама, вздыхает,
И свет погас.
Ну, где же душа твоя, мама, летает
Сейчас?

Кому тяжелее сейчас во вселенной,
Скажи, кому?
И я ухожу сквозь кирпичные стены в
ночную тьму.
Лечу над землею к луне моей ближе,
В объятья звезд.
Потом, оглянувшись, я ясно так вижу
погост.

Кресты и оградки, цветы и могилки –
Приют веков.
У свежих могилок пустые бутылки
В тени венков.
Там мама проходит фигуркой печальной
среди оград,

И смотрит на маму с эмали овальной
мой брат.
и тихо в такой же глубокой печали
Идут за ней
Несчастные матери, что потеряли
своих детей.
И чтобы не видеть фигур этих горьких
в немой тоске,
По лунному блику скачусь,
как по горке, к реке.

Мне душно, мне тошно, мне плохо, но только
к воде прильну,
как волны поделят на равные дольки
мою луну,
по волнам запляшут, запрыгают свечки
далеких звезд.
. . . Ночами соленые волны у речки
от слез.

Вспоминая праздник
Уж пятый месяц пролетел.
Как этот праздник отшумел,
Лист тополиный пожелтел.
. Но почему, не знаю,
Когда сквозь ветер и дожди
Зима маячит впереди,
Да грусть осенняя в груди,
Я возвращаюсь к маю.

И ясно вижу в тот момент
Среди цветов и алых лент
Наш поселковый монумент
И ветеранов рядом.
Вот грянул праздничный салют.
И ветераны все встают,
И честь погибшим отдают.
И смотрят гордым взглядом.

Вот патриотов юный ряд
Про водят праздничный парад.
Вот ветераны говорят,
О прошлом вспоминают.
Блестит на солнце седина,
Блестят на солнце ордена,
И весь народ, и вся страна
Здоровья им желают

И деньги может быть дадут
(те деньги внуки отберут),
И фронтовых сто грамм нальют,
И поздравлять их будут.
Но быстро торжество пройдет.
Как ветеран потом живет?
Скорей всего на целый год
О нем опять забудут.

И будет он один сидеть,
На голубой экран глядеть,
Там голубые будут петь
Про что-то голубое,
Там будут перхотью стращать,
Златые горы обещать,
Дадут совет как отощать,
Фильм будет про ковбоя.

А может кто-нибудь зайдет
Узнать, как он один живет;
Подарок, может, принесет,
Бывает и такое.
Он будет ночью вспоминать
Про годы юности, про мать
И про оставшихся лежать
Друзей на поле боя.

... А май разбросил краски дня,
Смеется громко ребятня,
(Но что-то грустно для меня
В день праздничный, весенний)
И ветерок Саянских гор
Российский треплет триколор

В толпе неспешный разговор
Да море поздравлений.

я слышу, люди говорят,
Что стало меньше тех солдат,
Что с каждым годом реже ряд,
Что нет уже того-то.
Стоит, молчит солдатский строй,
Как перед схваткой боевой,
А годы по шеренге той
Строчат из пулемета ...

***
Конь красив и статен.
Это, кстати, знал
Тот, кто много статуй
В бронзе отливал.

Деятель и воин,
Облаченный в медь,
Каждый ли достоин
На коне сидеть?

Может, переплавить,
Если портит вид?
А коня оставить,
Конь пускай стоит.

***
Нарисуй себе глаза,
Брови, словно крылья птицы,
Удлини свои ресницы.
Я не *против* и не *за*.

Но скажу - в который раз! –
Сила вся твоя не в этом,
А в том выстреле дуплетом
Из твоих лукавых глаз.

Песня косовской славянки
Моя милая сторонка
Как лебёдушка плыла,
Только вдруг над горизонтом
Распластались два крыла.

Испытанье Бог готовит:
В земли косовских славян
Прилетел на запах крови
Алчный падальщик орлан.

Злая туча над простором,
Над лебёдушкой гроза,
А двуглавый чёрный ворон
Хочет выклевать глаза.

Но пускай запомнят янки,
Если мира не хотят:
Мы, свободные славянки,
Сербских пестуем орлят.

И орлята скажут грозно:
«Если наш народ живёт,
Значит, рано или поздно
Лебедь снова поплывёт».

Февраль. 2008 г.

Орёл

Парит орёл в разгаре дня
На чистом летнем небосклоне.
Он в синеве небесной тонет,
И смотрит сверху на меня.

Он ясно видит с высоты
Какие мелкие мы, люди,
Среди, проблем, рутины, буден
И бесполезной суеты.

Вот мне б с ним рядом закружить,
А беды чтоб внизу остались,
Чтоб сверху мелкими казались
И не мешали больше жить.

Вещий камень

Над дорогою ночною
Тьма кромешная до жути ...
Вдруг он вырос предо мною,
Камень вещий на распутье.

Там на камне ворон - птица,
Буквы светятся зловеще.
И лежит он, как граница,
На распутье камень вещий.

Но шагну за эту грань я,
Не читая, что на камне.
Там на камне - предсказанья,
Не нужны они пока мне.

я не верил никогда им,
И вы тоже им не верьте.
Лучше жить пока мечтаем
И не знаем дату смерти.

«Пётр Великий» в Аденском заливе

Мы на палубе все,
Вся команда боевая.
Взвился наш триколор
Над узлом морских дорог.
«Роджер» сразу повис,
Словно тряпка половая.
В напряженьи застыл
Африканский острый рог.

Рвется наш триколор
Прямо к небу голубому.
Не впервой нам вдали
Флаг российский поднимать.
Мы - потомки Петра,
Мы противнику любому
Можем пыл охладить
И рога пообломать.

***

Объяснить я не берусь
Это странное явленье –
Одиночества боюсь,
Но люблю уединенье.

Русь-тройка

Через весь земной простор,
Через степи, цепи гор,
Мимо рек, полей пшеницы
Три коня летят, как птицы,
Напрямик во весь опор.

В сбруе мчат недорогой,
Не нашлось, видать, другой.
Ну а кони как красивы!
Встречный ветер треплет гривы,
Шеи выгнуты дугой.

И летят они вперед,
И ничто их не берет.
Эта тройка - символ силы,
Трудовая мощь России,
Трудовой ее народ.

Тянет тройка тарантас,
в тарантасе много нас:
Старики, бомжи, больные,
Безработные, блатные,
Предприимчивый Кавказ.

Впереди ямщик сидит,
Через шоры вдаль глядит,
Сам не знает, куда едет,
Уверяет, что к победе,
А над кем - не говорит.

И везет, везет свою
Преогромную семью.
Переполнен тарантас-то.
Там я в качестве балласта
Прицепился на краю.

и никак не разберусь,
Чем, за что и как держусь.
Повстречался нам дорогой
Николай Васильич Гоголь:
«Ты куда несешься, Русь?»

Ой, Васильич, отвяжись,
Ты уж спрашивал, кажись.
Мы ж - в какие мчимся дали –
До сих пор не разгадали.
Н-н-но, залетки! ... вашу жись!!

Монголия
Сердце вспомнит, замирая,
Край, которому нет края.
Край нетронутой природы,
Символ истинной свободы.
Край, где я познал когда-то
Рабский труд солдат стройбата.
Как живешь под новым небом,
Край, где тридцать лет я не был?
Ты мне - родина вторая,
Край, которому нет края.

Журавли
Не нужна мне в ладонях синица,
Я журавлика жду по весне.
Прилетай, моя добрая птица,
Надо мной покружи в вышине.

Ты, как символ духовной свободы,
Сквозь пространство и время лети,
Улетай в мои юные годы
И с собою меня захвати.

***

Ангарская ночь. В небе месяц печальный.
Прохлада плывет от Саянских вершин.
Окраина. Спит магазин «Магистральный».
А рядом дорога. Шуршание шин.

Правей магазина зачем-то оградка.
Мигает неоновый жиденький свет.
Конечная точка маршруток - площадка.
Стоят на площадке поэт и поэт.

Ночной небосвод прочертила комета.
Все улицы спят. Переулки тихи.
Лишь слышно, как два полуночных поэта
Мерцающим звездам читают стихи.

Памяти Николая Рубцова

Как на русском Севере,
На земле намоленой,
Как у чистой реченьки
В обрамленьи ив,
Сидя возле лодочки,
Старой, неосмоленной,
Пел Боян о Родине,
Пел на свой мотив.

О Великой Родине
И о тихой родине,
Про судьбу матросскую,
Про любовь и честь.
От пушинки-облачка
До гнилой колодины,
Всё, что сердцу дорого, -
В этих песнях есть.

В них души спокойствие,
В них души метание,
Чистота небесная
И густой туман.
В этих песнях искренних,
Тихих, как мечтание,
Спрятан неразбуженный,
Пламенный вулкан.

Мир в потоке будничном,

Вырвусь из потока я
И душою в чистую
Речку окунусь.
... Жизнь твоя нелегкая,
Смерть твоя жестокая,
Песни твои вечные
Как Святая Русь.

Детская мечта
Заполню в сердце пустоту.
Возьму с собой краюху хлеба,
-Исполню детскую мечту
Залезть на утреннее небо.

Через холмы, через леса
Пойду, дорог не разбирая,
Туда, где только небеса
И поле без конца и края.

Туда, где горизонт вдали
Яснее будет выделяться.
И я пойду на край земли,
А он всё будет удаляться.

Дойти до края не смогу.
Ну сколько может это длиться?!
Я быстро-быстро побегу.
Чтоб не успел он удалиться.

Схвачу за край небесный зонт
На стыке перспективных линий,
Потом шагну за горизонт
И заберусь на купол синий.

И с той небесной высоты
Увижу я такие дали!
Поверьте, этой красоты
И отродясь вы не видали.

Иркутск
Иркутск, над тобою, мой город,
Байкальские ветры поют
Про свет куполов величавых соборов,
Про дивную вязь деревянных узоров
И двориков старых уют.

Раздвинув окраины шире,
Громады кварталов растут.
Расти же, мой город, в согласье и в мире,
Расти, как подснежник, в суровой Сибири,

Тебе наши песни и труд.

И мы не забудем традиций,
Что ты нам веками берег.
Так пусть все хорошее вечно хранится,
Пусть каждый к добру, словно к солнцу,
стремится.
А в добром поможет нам Бог.

Мой выбор

Имя, как символ страны, выбирается,
И гордостью сердце мое загорается
При виде таких величин.

А символы, гении все, разноликие –
Герои, таланты, святые, великие –
С заоблачных смотрят вершин.

А я бы простого хотел, приземленного,
Чтоб был он нам свежестью леса зеленого.
Был далью бескрайних равнин.

Был горькой. полынью, былиночкой мятною,
Был песней народной с тоской непонятною,
Был гроздьями красных калин.

И вдруг в голове из тумана кромешного
Рождается символ родного и грешного,
Рождается образ один:

В простецкой рубахе, без лоска столичного,
На пыльном проселке у поля пшеничного
Сидит босоногий Шукшин.

Жажда

Замерло во времени
Солнце надо мной,
И стучит по темени
Молоточком зной.

Лишь трава незрячая –
Высохший ковыль,
Лишь как печь горячая
На дороге пыль.

Степи раскаленные,
Тени нет нигде.
Мысли воспаленные

Только о воде.

Слышу: будто кружиться
И журчит поток,
Но нигде нет лужицы
Даже на глоток.

Мне б дойти до дому,
там с радостью в душе,
Как в пучине омута,
Утону в ковше.

Моему первому редактору

На «снежинках»-листочках
Сельской лиры мотив
И редактора строчка:
«Это детский наив».

Да, наив, я не спорю,
Но мне видеть невмочь,
Что народному горю
Не могу я помочь.

Я душой не приемлю
То, что есть наяву.
Пряча голову в землю,
Я как страус живу.

И не видно просвета,
Ничего не вернуть.
Заблудились мы где-то,
И ни плыть, ни тонуть.

Только плесень и тина,
Как всегда, наверху.
И мешают идти нам,
Словно грыжа в паху.

Чтоб не видеть ту грыжу,
Я как страус - бегом.
И зарывшись, не вижу,
Что творится кругом.

Горечь тихо уходит,
Сорок лет прихватив.
И пером моим водит
Глупый детский мотив.

Мальчик с болезнью Дауна
Мальчик с доброй улыбкой
Подошел, стоит над зыбкой
И игрушечною рыбкой
Стал малышку развлекать.
Мать малышки, словно кречет,
Налетела - рвет и мечет:
- Он ребенка покалечит.
Что с такого можно взять?

Да, такой он. Ну и что же?
Унижать больных негоже.
И обидеть он не может
Умный может обижать.
Сколько всяких умных было:
Ирод, Дракула, Атилла,
Гитлер, Браун, Чикатило ...
Дальше список продолжать?

«Дети Дауна» иные,
Чужды им грехи земные,
Не обидят те больные
Ни детей, ни стариков.
Люди, люди ... Успокойтесь,
Их улыбки удостойтесь
И, пожалуйста, не бойтесь.
Бойтесь умных дураков.

В библиотеке ДК нефтехимиков
Я снова в этом зале,
В прекрасном светлом зале
И я уже не «леший»,
А светлый человек.
Здесь наяву нам снится:
Мы в Северной столице,
Что за окном Фонтанка
И позапрошлый век,

Что в этот дивный вечер
Внезапно вспыхнут свечи,
Туманом на минуту
Затянет небеса,
И к нам сойдет с портретов
Созвездие поэтов,
Живыми их увидим,
Услышим голоса.

А как туман растает,
Нам Пушкин почитает
Свои стихи святые.
Все новые, к тому ж.
И поклоняясь поэту,

Нам Гоголь по секрету
Прочтет вторую книгу
Бессмертных «Мертвых душ».

А также мы услышим,
что слабовато пишем,
Что надо бы получше
Родной язык беречь.
Нам скажут на прощанье
Слова, как завещание,
Чтоб было здесь побольше
Подобных добрых встреч.

Чтоб здесь, в уютном зале,
Стихи всегда звучали,
Чтоб в этом зале песни
Прекрасные лились.
Как здорово, что снова
Звучит родное слово.
Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались!

Несерьёзно о серьёзном

Плясун

Время праздника пришло,
Пляшет, пляшет всё село.
Не умею дроби бить,
Но охота лучшим быть.
Как пошёл плясать вприсядку,
Вся изба дала усадку.
А как задал трепака,
Только пыль до потолка.
От моих -го от коленцев
Разлетелись вёдра в сенцах.
От моей-то от чечётки
Половицы - как решётки.
От моей-то чеботухи
Закрестилися старухи.
Я и лучше сдробочу,
Если горло промочу.
Я и лучше отчебучу ...
Вы чего подняли бучу?
Не держите вы меня,
Не вяжите вы меня.
Я отныне - Петипа,
Некультурная толпа.

Правдивая история про то,
как один старый лесник стал
молодым поэтом

Расскажу вам о поэте,
Но начну о леснике.
Жил да был лесник на свете,
Не держал пера в руке.

От вчерашнего болея,
Брёл он как-то по траве.
Брёл он, сам себя жалея.
Вдруг; удар по голове!

Это был кусок штурвала
С пролетевших НЛО.
В голове светло так стало,
Озарение пришло.

Он сначала закачался,
Думал - кара за грехи.
А потом домой помчался
И давай писать стихи.

Без притирки, без примерки,
В пятьдесят неполных лет.
И как чёрт из табакерки
Новый выскочил поэт.

Кержак и чалдон

Я кержак, а он чалдон.
Мы друзья обои с ём.
То по дружному живём,
То по-всякому.
Мы как бражку сотворим,
То малёхо задурим,
Но сперва всегда погрим,
Побалакаем.

«У тебя - я грю - жана
Не гуранка ни хрена
Не семейская она,
А притворщица».
А он грит: «Ты, паря, чо?
Обижашь её почо?»
Да толкат меня в плечо,
Да топоршится.

«А твоя-то - грит, - мабуть,
Не ясашная ничуть,

Хоть монисты на всю грудь,
Как у Брежнева».
Я давай зубам скрипеть,
Нету моченьки терпеть,
И сцепились мы опеть,
Пушше прежднева.

Утром он спохмелья встал
И попёрся на Байкал,
А меня с собой не взял,
В Голоусная.
Чо он в бабах понимат?
Рыбу в озере имат.
Нончи рыба тама, грят,
Шибко скусная.

Реформаторы
На словах - они все за Россию
А на деле - в аду б им гореть.
Поднимите мне веки, как Вию,
Я хотел бы на них посмотреть.

Шапка-невидимка
Шапку-невидимку
Дед Антип нашёл,
В шапке-невидимке
В магазин зашёл,

Целый ящик водки
Незаметно взял,
Дома осторожно
Влез на сеновал.

Только начал тихо
Водку в стопку лить,
Слышит крик старухи:
«Сколько можно пить?!»

Вот слезает тихо
С лестницы Антип,
И бежит старуха
На знакомый скрип,

Да с истошным воплем
- Получай же, гад!
- Бьёт, не видя деда,
Просто наугад.

Получил граблями
Дед, в который раз,
Как всегда, прицельно,
Точно между глаз.

Вот что значит вредный,
Вечно пьяный дед,
Вот что значит тренировка
Сорок долгих лет.

Леший

Я не раз в лесу у нас
Видел злого лешего,
Что пугает в поздний час
Конного и пешего.
Уши будто у осла,
Волосёнки рыжие,
Бородища, как метла,
Нос огромный, как свекла,
И глаза бесстыжие.

Жил за лысою горой,
Был лесным бродягою
И заваривал порой
Брагу целой флягою
На осиновой коре
Вместе с короедами.
Прятал флягу на горе,
Укрывая пледами.

И внимательно следил
за её брожением.
Только сам почти не пил
По соображениям:
Чтоб циррозом не хворать,
Чтоб не быть лунатиком,
Чтобы в старости не стать
Старым маразматиком.

Но зачем и смысл каков
Брагу ту настаивать?
Чтобы честных лесников
Постоянно спаивать
Он всегда сидит тайком,
Ждёт нас за околицей.
Я работал лесником,
Так пришлось уволиться.

В лес уйду, бывало, я
От тепла домашнего
(голова болит моя
Опосля вчерашнего)
Прислонюсь спиной к сосне.
Тут по следу звереву

Подкрадётся он ко мне
И привяжет к дереву.

И воронку принесёт,
Сбегает за флягою
И поить меня начнёт
Непотребной брагою.
Крикну во всю мощь свою:
«Хватит этой дикости!
На работе я не пью
Окаянной жидкости!»

Хоть кричи, хоть не кричи -
Леший поит брагою,
А не пьёшь - заполучи
По башке корягою.
так и пью я целый час,
А глаза слипаются.
Вот поэтому у нас
Лесники спиваются.

Про бабусю
Жили-были у бабуси
Два весёлых Муси-пуси.

Ей покоя не давали,
Пили, пели «Траля-вали».

Так измаялась, бедняга,
- Днём и ночью «Джага-джага»,

Что однажды дала дуба.
Лишь пропела: «Шуба-дуба.

Эх! Прощай, мой райсобес.
Чао, Мусики. О ес!»

«Баргузины» и «Славяне»
Я приветствую вас стоя
Город, самый лучший в мире,
Шум студёного Китоя,
ПТУ-34.

Перед вами шляпу скину,
Дорогие ангарчане.
Мой привет вам, «Баргузины»,
Мой привет и вам, «Славяне».

Вы не помните, конечно,
«Баргузины» и «Славяне»
О своём фанате вечном,

О поклоннике- «фазане».
Я ж всё помню, как приехал,
Как любил ансамбли оба,
Как в училище профтеха
Началась моя учёба.

Помню, как пришёл впервые
С другом к летней танцплощадке.
Были там не городские,
А «квартальские» порядки.

Нам в общаге объясняли
Второкурсники-задиры:
ПТУ стоит в квартале,
«Баргузины» здесь кумиры.

Городские ж отдавали
Предпочтение «Славянам».
Иногда конфликтовали
И дрались «бензин» с «ураном».

После драки дружба крепче.
В гости ездили друг к другу,
Танцы вместе каждый вечер,
И «Агдам» ходил по кругу.

Мы, приезжие, не знали
Поначалу те порядки.
Поселили нас в Квартале,
Там и вышли к танцплощадке.

Вот зашли за «Современник»,
Чтоб послушать «Баргузины».
Были мы тогда без денег,
Всё ушло на магазины.

Деньги кончились, - и баста.
Значит, впроголодь житуха.
По родным я бегал часто
В гости в стиле Винни-пуха.

И мой друг Витёк Евсеев,
Шустрый, как электровеник,
Всю свою казну посеяв,
Тоже был тогда без денег.

Нас зажали у площадки,
Ищут повода подраться:
«Вы из Города, ребятки?
Надо с вами разобраться».

Но сказал один сердито

(На губах сплошные раны):
«Тише, Маля, погоди ты,
Это ж новые «фазаны».

Наш профтех тридцать четвёртый,
Значит, наши, из Квартала.
Зря на них сейчас попёр ты».
И толпа от нас отстала.

Танцплощадка, танцплощадка,
Танцплощадка из резины.
Всех вместила танцплощадка,
Где играли «Баргузины».

Те, кто денег не имели,
Как и мы не унывали –
Как хотели, как умели
За площадкой танцевали.

И мелькали наши тени,
И вибрировала стенка.
Там, за стенкою, на сцене –
Композитор Якушенко,

Там его орган певучий,
Гитаристы и ударник.
И никто на свете лучше
Не споёт, чем эти парни.

А ударник был солистом,
Голос чистый и высокий.
Уносили в ритме чистом
Нас есенинские строки.

Я отдал бы всё на свете,
Заплатил любую цену,
Чтоб иметь таланты эти,
Чтоб взойти на эту сцену.

Как короток день осенний!
Собирает вечер влагу.
Ой! Прости ты нас, Есенин, -
Нам пора бежать в общагу.

Мы летим сквозь поздний вечер,
Чтоб успеть до переклички.
Хорошо, что недалече,
А не к чёрту на кулички.

Прилетели, заорали,
Чтоб открыл дежурный двери.
Тот послушал, как мы врали,

Сделал вид, что нам поверил.
После сельского покоя
Эти танцы - потрясенье.
«Вить, ты спишь?» «А что такое?»
«Слушай, завтра воскресенье.

Может, съездить нам к «Славянам»,
Что поют в центральном парке?»
«Не пустили б там кровя нам,
Как квартальским, по запарке».

Те; кто дрались с городскими,
Нас тогда предупреждали:
«Вы бы с танцами такими
Хоть недельку подождали.

Вы ведь квартальские тоже,
Там привяжитесь к девчатам,
Мы ничем помочь не сможем.
Вам по тыкве настучат там».

Вопреки предупрежденьям,
Едем в город. Но что это?
Там шпана по огражденьям
Лезет просто, без билета.

Невысокая ограда,
Тонких реек переборы.
Нас, селян, учить не надо,
Как сигать через заборы.

Перелезли. Свет в глаза нам.
Опасаемся вначале -
Не охота нам, «фазанам»,
Чтоб по тыкве настучали.

А на нас и не глядели.
Я в толпу танцоров лезу.
Нам тогда «Славяне» пели
«Естудэй» и «Комтугезу».

Вот тогда снесло мне «крышу»,
Бьщ тогда я, как в тумане.
(Как теперь «Битлов» услышу,
Сразу видятся «Славяне».)

Я выделывал «колена»,
А на сцене пели парни.
Для меня они, как Леннон,
Ринго, Харрисон, Маккартни.

Может, их произношенье,

По-английски и нелепо,
Но скажу им в утешенье:
Я был тоже не Лиепа.

Клёши ветром развевая,
Мы опять летим, бедняги,
От вечернего трамвая
До дверей родной общаги.

... Двадцать лет я не в Ангарске.
Сам уехал, не в изгнанье.
Было всё давно, как в сказке,
Но свежо воспоминанье.

Вспоминаю, как красиво
Уживались здесь когда-то
Два певучих коллектива,
Два могучих комбината.

Что-то слышу про бензины,
Сразу вспомнятся «Славяне»,
Или вспомню «Баргузины»,
Если слышу об уране.

Сказка дедушки Антипа

Вьюга, небо не мути,
До утра не замети
Все посёлки,
Все просёлки,
Все дороги, все пути

Ты, корова, не мычи,
Ты, собака, замолчи,
Ты, котёнок,
Там спросонок
Не мурлыкай на печи.

По столу не москотать,
И ногами не болтать,
Не толкаться,
Не щипаться,
Деда не перебивать.

Я тут с вами посижу,
Сказку на ночь расскажу.
Я же к ночи
Умный очень,
Но, бывает, торможу.

Значит, так: на свете жил.
Значит, жил он, не тужил.

Где родился,
Там крестился,
Там кому-то и служил ...

Вот он, значит, жил да был ...
и чего-то там добыл ...
Был он это ...
Значит, где-то.
Остальное я забыл.

Что-то в памяти провал.
Сказок я не забывал.
Значит, в памяти провал.
Хватит, братцы,
Семь пятнадцать,
И начался сериал.

***
Вы только поглядите –
Вон парочка стоит
у нас на Рудник-сити
На главной Ленин-стрит

Она стройна как скрипка,
А он как контрабас,
И юная улыбка,
Такой вот расколбас.

Живут они не хило,
Живут они легко,
В одной руке мобила,
В другой руке пивко.

Им шмутки от Вирсачи
Таджики привезли.
Юдашкин горько плачет,
И Зайцев на мели.

и гордость душу тронет,
И радостней живёшь
От мысли, что в районе
Крутая молодёжь.

Проснись. товарищ Сталин
Про снись, наш товарищ Сталин,
Вернись к нам, товарищ Сталин.
Приди в этот мир,
Наш главный кумир -
Народ твой в беде оставлен.

Пришли времена лихие,
Пришла воровская стихия.

Я честно тружусь
И этим горжусь,
А оба соседа плохие.

Ворюга сосед мой справа.
И где на него управа?
Он князем слывёт,
Он князем живёт,
И спирт у него - отрава.

А слева сосед мой спился,
Он с рюмкой в руке родился
И пьёт круглый год.
На что же он пьёт?
Ведь он никогда не трудился.

Тружусь я один, не бастую,
Но против воров протестую.
Кумир наш, приди,
На них погляди
И всех расстреляй подчистую

Проснулся товарищ Сталин!
Вернулся товарищ Сталин!
И в первый же час
Расстрельный указ
Во все ОВД доставлен.

Конец теперь беспределам,
Займётся милиция делом.
И вот вдоль села
К ворюге пошла
Комиссия по расстрелам.

Ссутулился князь, как кляча,
Встретил комиссию плача.
«Отмазался» князь:
Выходят, смеясь
И что-то карманах пряча.

К соседям другим вбежали,
С порога носы зажали
И сразу назад:
«Пока пусть лежат»
Там пьяные все лежали.
Соседей стрелять не стали
И только ко мне пристали.
Тут что-то не то!
Меня-то за что?
За что же, товарищ Сталин?!

Наталия
Русый локон лёг на бровь,
Стройный стан и талия,
Это всё моя любовь,
Это всё Наталия.

Сердце я вчера открыл
Для своей Наталии,
Мол, люблю, мол, нету сил,
Жду, мол, и так далее.

и весь вечер напролёт
Вглядываюсь в дали я,
Жду, когда ко мне придёт
Милая Наталия.

Если я услышу «нет»
От своей Наталии,
Я покину этот свет,
Заверну сандалии.

***
Нам от памяти своей
Никуда не деться.
Я до самых мелочей
Помню своё детство.

Помню, как отец давал
Первые советы, помню,
танки рисовал
На полях газеты.

Рисовал я как умел
Гусеницы танку,
А под вечер посмотрел
Сельскую гулянку.

я тогда с печи смотрел,
Как плясали дробно.
Кто как пил и, кто как пел,
Помню всё подробно.

в кукурузе я сидел,
Где играли в прятки,
И с друзьями вместе ел
Белые початки.

Жизнь казалася нам всем
Праздником весёлым,
И завидовал я тем,
Что ходили в школу.

Ну, когда ж, когда пойду
В первый класс я лично?
Всё, что было в том году,
Помню я отлично.

Жизнь несётся быстро так,
Память поостыла,
И не вспомню я никак
Что сегодня было.

Утром начал вспоминать,
Не припомню что-то:
То ли надо провожать,
То ль встречать кого-то.

И в кругу гостей своих
Вспоминал я свой же стих.
Долго. Да что толку?
Помню только хорошо
Детский маленький стишок,
Что учил на ёлку.

Баночка радости

Сыро. Небо хмурится.
Я стою на улице.
Я продрог. Озноб по коже.
И ползёт толпа прохожих,
На людей-то не похожих,
А похожих на жуков.
На ползучих, нелетучих,
Разнесчастных, невезучих,
Мокрых, мрачных и колючих
Мурашей и червяков.
Я стою и жду кого-то,
Весь заваленный работой,
Весь раздавленный заботой.
Я такой же, как и все.
Вдруг, вприскочку и вприпрыжку –
Только брызги на штанишки! –
Появляется малышка
Ясным лучиком в росе,
Бабочкой, мячиком,
Солнечным зайчиком!
Полюбуйтесь, тёти, дяди:
Я в сестрёнкином наряде,
Губы в маминой помаде,
Только ростиком мала.
И она у магазина,
Там, где с мусором корзина
И заплакана витрина,
В луже баночку нашла.
Яркую, красную,

Рас - пре - красную,
Наилучшую на свете.
Как я раньше не заметил?
И девчонка, как все дети,
С этой баночкой в руке
Закружилась и запела
Ни на русском,
Ни французском,
Ни немецком,
Ни тибетском,
А на детском языке.
Пой, пой, бабочка,
Про свою баночку,
Подарила её мне бы,
Я б таким несчастным не был,
И под этим серым небом
Сам вприсядку бы пошёл,
Сразу кто-то из знакомых,
Из ползучих насекомых,
Скажет: Гляньте, возле дома
Скачет старый стрекозёл.

Хандра

Небо плачет две недели,
Дождик льет как из ведра.
Все, сейчас на самом деле
Постучит в окно хандра.

По канаве вдоль дороги
Приплывут издалека
Непонятные тревоги,
беспричинная тоска.

Подгребут они по лужам
Прямо к дому моему.
Мне сейчас никто не нужен,
Я не нужен никому.

Я сегодня обеспечен
Грустью, льющейся с небес.
Эх, напьюсь! А как же печень?
Так поем. А лишний вес?

Попишу. А где же темы?
Мне бы книг. А деньги где?
Почему мои проблемы
Разбухают при дожде?

Никуда от них не деться.
Продавить бы в горле ком
Хоть одним глоточком детства,
Да по лужам босиком!

Так, чтоб пятки замелькали,
Чтоб за мной на зависть всем
Только брызги от печали,
Только пена от проблем.

Сосед

- Здравствуй, дедушка-сосед.
Чем с утра ты озабочен?
Что опять лекарства нет?
Что-то выглядишь не очень.

- Вот, Санек, не знаю я,
Что продать? Продать козу бы.
Денег нету ни копья -
С бабкой вставили мне зубы,

И без денег мы опять.
Зубы есть. Да что с них толку,
Если нечего жевать.
Положили их на полку.

Новое кино

Мне кажется, кино глупее стало
И сильно уступает фильмам ретро.
Сегодня «Унесённых ветром» мало,
Все больше «Пронесённые до ветра».

Телевизор

Из-за ящика на ножках
Мы все чокнулись немножко:
Он сейчас не в мир окошко,
А в палату номер шесть.

Только «ящик» я включаю,
Сразу чувствую - дичаю.
Позитив не замечаю,
Вижу только то, что есть.

***

Верхушка в роскоши, низы полубосые,
Но гордо по разбитой колее
Идет в Европу матушка-Россия
В лаптях и в бриллиантовом колье.

Как только брошу пить

Наступит жизнь отрадная,
Красивая и складная,
Как только брошу пить.
С душою, обновленною

На улицу зеленую
Я выйду побродить.

Лиричный и начитанный,
Культурный и воспитанный
иду за дальний двор.
Друзья там по традиции
доходят до кондиции,
усевшись под забор.

Иные уж в прострации,
сидят, как в ресторации
отеля «Метрополь».
Полнейшая идиллия,
напитков изобилие –
испробовать изволь:

Тут и вермуть крепленая
и водочка паленая –
глушитель горьких дум.
И стеклоочистители –
извилин выпрямители,
и питьевой парфюм.

Сплошное искушение,
Но я принял решение,
и я не отступлю:
- Вы что, друзья-приятели?
Совсем, я вижу, спятили.
Я это не люблю.

Всё, хватит дурью маяться,
пора бы вам раскаяться.
Ну как не стыдно вам!
Страна в изнеможении,
войдите в положение,
прислушайтесь к словам.

А тут еще, тем более,
устроили застолье.
Взгляните на забор.
«Икс - игреком» исписанный,
собачками обписаный.
Бесстыдство и позор.

И в это же мгновение
и совесть, и прозрение
на них с небес сойдут.
И мы пойдем за книгами
Уже ни забулдыгами,
Что под забором пьют.

А вдоль широкой улицы
уже цветы красуются,
где были лопухи.
И вдоль, по обе стороны,
павлины, а не вороны.
Поют, как петухи.

Дорога не разбитая,
шампунями помытая,
кругом полнейший лоск.
А рядом у обочины,
как пес паршивый, всклоченный,
Стоит пивной киоск.

Но мы с осанкой гордою
Идем походкой твердою,
Его не признаем.
А продавщица бедная
Рвет волосенки медные
На темечке своем:

- Зайдите, я же добрая,
теперь уже не кобра я
и не тамбовский волк.
- Что, крашеное чучело,
забыла, как нас мучила
и не давала в долг?

и только ради шуточки,
Зайдем на две минуточки,
Чтоб лимонад купить.
Наступит жизнь отрадная,
фруктово-лимонадная,
как только брошу пить.

Напишу я стихи

1

Напишу я стихи, как Державин,
Как пиит воспою Божий свет,
Труд пастуший, что творчеству равен,
Дивный день из отроческих лет.

у отца был восторг разговенья,
Я ж труду посвятил этот день.
Преисполнен я был вдохновенья,
Вдохновил меня отчий ремень.

На заимке я, суть на Парнасе,
Агнцы зрят в лучезарную даль,
Я порхаю на сивом Пегасе.
Этой чистой воды пастораль.

2
Нет, напишу стихи, как Пушкин,
А то сшибаю лишь верхушки.
Пора поглубже бы копнуть,
В век девятнадцатый нырнуть.
О, нет! Простите, Бога ради,
Я, если честно, не готов
Быть, как Давыдов, на параде,
Гостить, как Лермонтов, у дяди,
Быть в той плеяде где- то сзади,
Как хвост. Или как граф Хвостов.
3
Нет, напишу я стихи, как Есенин,
И воспою в них дороженьку длинную,
Дом деревенский, калиточка, сени,
Лес пожелтевший, печаль журавлиную.
Я весь, как Есенин, лишь мыслю поуже,
И степень талантов. конечно, не равная,
Стихи сочиняю поменьше, похуже,
Но водочку пью, как Есенин, исправно я.
4
Нет!
Напишу я,
Как Маяковский,
Хоть «Клопа»,
хоть «Баню»
в стиле нового буйства.
Рвану во весь голос:
Да!
Я таковский!
Я раздербаню
все наше буржуйство!
И пусть
всем хозяевам нового
времени,
Самим олигархам
и их любовницам-швабрам,
Вседенно,
всенощно
бьют по темени
Мои стишищи
рифм
канделябром.
5
Нет, напишу стихи я, как Рубцов,
Свежо, по-русски искренне и тонко
Постиг он мудрость дедов и отцов,
Оставив в сердце чистоту ребенка.

Я воспою, как он, родимый край,
Воробышка - его в траве не видно –
И бабочку ... Ой, бабочка, прощай!

Воробышек, ну как тебе не стыдно?
6
Нет, напишу я стихи, как Кобелев. .
Вот и тупик - рифма кончается.
Кобелев ... Нобелев ... Шнобелев ...
Не получается.

Я уйду
Все равно я уйду.
Встану с мягкого дивана,
Ничего не возьму,
Выйду с лирой за порог.
Все равно я уйду
На рассвете рано-рано.
И пойду наугад
По одной из ста дорог

Цепи разом порву,
Что к дивану приковали.
Понесется за мной
Звон разорванных оков,
Предо мной целый мир
И неведомые дали,
Надо мной паруса
белоснежных облаков.

И как вольный поэт
Я пойду по белу свету,
От села до села,
От дверей и до дверей.
Буду вирши читать
Как положено поэту
Может люди вокруг
Станут лучше и добрей.

Все равно я уйду
Или поздно или рано.
Вспоминай меня мать
И подруга не забудь
Жаль, сегодня опять
Не хочу вставать с дивана.
Все равно я уйду,
Но потом ... когда-нибудь.

Побег
Что-то в нынешнем году
Я с собою не в ладу.
Я и в прошлых-то годах
Был с собою не в ладах.
Всё! Так больше не могу,
От себя я убегу.

Только пусть наступит ночь,
От себя уйду я прочь.
Буду тихо уходить,
Чтоб себя не разбудить.
Ни себя, ни третьих лиц
. Скрипом старых половиц.
Да по улице - бегом!
Пока спит народ кругом.
А дорогой оглянусь –
Может, сзади я гонюсь.
Так и сделал я в ту ночь –
От себя умчался прочь.
Краем речки у воды
Я запутал все следы.
Пробежался, и вода
Не оставила следа.
Вот лечу во весь опор
Из поселка на простор.
И на первой же версте
Я споткнулся в темноте.
Отдохну-ка, полежу.
Неуютно тут, гляжу -
Тьма, роса, в иголках ель.
Где ты, теплая постель?
Задыхаюсь, боль в спине ...
Как?! Болезни все при мне?
Значит, взяв букет болезней,
Я оставил, что полезней,
И умчался, прихватив
Весь душевный негатив?
Там теперь без негатива
Я здоров, лежу красиво,
На постельке теплой спя,
В обе дырочки сопя.
Я не радуется пусть,
Я сейчас домой вернусь.
Прихожу домой, гляжу –
Вот постель, вот я лежу.
Что, я, лыбишься, лежишь?
От себя не убежишь.

5 Апреля 2055 года
Какая красивая дата!
Пойду на просторы полей,
Чтоб здесь на природе, прогрессом
объятой,
Столетний встречать юбилей.

Лежит за селом, как лужайка,
Широкий зелёный палас.
За ним синтетических ёлочек стайка,
Берёзки из белых пластмасс.

Чуть дальше, за рощицей этой,
Оттаял искусственный дёрн.
На нём созревать успевает за лето
В блестящих пакетах попкорн.

В лазурной дали небосклона
Обычный весенний контраст,
Дождливая серость клочков поролона
И белый, как снег, пенопласт.

А жизнь не сбивается с круга,
И вот надо мной, стариком,
Шарниры летят, возвращаются с юга.
Я им помашу париком.

Они голосами стальными
Кричат что-то радостно мне,
А я улыбаюсь зубами вставными
И радуюсь сотой весне.

Александр Кобелев

Дорога **на Балтай**

Ответственный редактор:
А. Г. Сморжевский

Издательство «Оттиск» Лицензия
ЛР N!! 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 05.12.2012 г. Формат 60/84/32.
Уел. печ. л. 3,7. Уч.-изд. л. 4,6.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ N!! 509.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28. Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru